

больше, чем Псалтирь, прочитанная без одного тысячу раз. Да, лучше ступить один шаг в таком [настроении], чем без него переправиться через море. Человек, который от себя и всего своего отказался столь полно, был бы, воистину, в Бога так глубоко пересажен, что, вздумай кто дотронуться до него, должен был бы прежде до Бога дотронуться, ведь он — в окружении Бога, и вокруг него — Бог, как моя шапка мою голову обнимает. И если бы кто захотел меня схватить, то прежде должен был бы коснуться моего платья. Точно так же: если должен я пить, напитку надобно протечь сперва по моему языку, там питье воспримет свой привкус. Если язык покрыт горечью, то, воистину, как бы ни было сладко вино само по себе, оно от того станет горше, через что до меня дотекает. Подлинно, если человек вполне отказался от своего, то он будет так Богом окутан, что все творения не смогут к нему прикоснуться, сначала не дотронувшись до Бога. И что должно дойти до него, то должно дойти до него через Бога. Тут сие получит свой привкус и станет богоподобным. Как бы ни было велико горе, оно дойдет через Бога, и сперва Бог от него пострадает. Да, говоря по правде, а она-то и является Богом, нет постигающего людей столь малого горя — как, скажем, недомогание или какая превратность, — которое не коснулось бы Бога, поскольку в Нем находится человек, несоизмеримо больше, чем самого человека, и Ему не было бы гораздо горше по сравнению с тем, как человеку горько. Если Бог претерпевает это ради того блага, каковое Он в этом же приуготовил тебе, и если ты согласен переносить, что Бог переносит и что чрез Него приходит к тебе, то это естественным образом станет богоподобным: презрение — как честь, горечь — как сладость и глубочайший мрак — как свет самый яркий. Все воспримет свой привкус от Бога и станет Божественным, ибо Ему уподобится все, что приближается к человеку, ежели тот не стремится к чему-то другому и ничто другое ему не по вкусу. А потому обретет он Бога как в любой горечи, так и в величайшей сладости.

Свет во тьме светит³⁶ и на него взирают. К чему людям нужно учение или свет, если им не пользоваться? Когда они будут находиться во тьме или печали, тогда узрят свет.

Воистину, чем больше принадлежим мы себе, тем меньше мы принадлежим [Богу]. Человек, отрекшийся от своего, никогда и ни в каком деле не потеряет Бога. Но если случится, что он оступится или оговорится либо прельстят его вещи, которые ложны³⁷, то придется Богу, поскольку Он присутствовал в деле с начала, поневоле принять ущерб на Себя, а ты ни в коем случае не должен из-за этого бросать свое дело. Сказанному мы находим пример в святом Бернарде³⁸ и во многих других святых. Подобным падениям никто и никогда в этой жизни не может быть вполне непричастен. Но ведь если среди зерна время от времени попадает куколь³⁹, то не стоит из-за этого выбрасывать благородное зерно. Подлинно, чьи стези направлены ко благу и кто знает Бога, для того все эти горести и падения на пользу⁴⁰. Ведь для добрых все вещи происходят ко благу, как говорит святой Павел⁴¹ и как свидетельствует святой Августин: «Да, и даже грехи»⁴².

12. Которая трактует о грехах: как следует себя вести, если себя в грехах обнаружишь

Воистину, совершать прегрешения — это не грех, если мы о них сожалеем. Человек не должен хотеть творить грех — ни за что, что могло бы случиться во времени или в вечности, ни смертный, ни простительный, никакой другой грех. Тому, кто соединен с Богом, всегда следует помнить, что верный любящий Бог вывел человека из грешной жизни в Божественное бытие и из Своего врага сделал другом, а это больше, чем со-творить новую Землю. [Воспоминание] об этом станет одним из сильнейших ударов; оно перенесет человека прямиком в Бога. И следует удивляться тому, как бы оно воспламенило человека в сильной,